

★ ВОЙНА ★
Я ПОМНЮ

ПРОЕКТ
АРТЕМА
ДРАБКИНА

★ ВОЙНА ★
Я ПОМНЮ

РАЗВЕДЧИКИ

МОСКВА
2018

УДК 94(47+57)~1941/45⁷
ББК 63.3(2)622
Р17

Фотография на обложке: *Олег Кнорринг* / РИА Новости

Р17 **Разведчики.** — Москва : Эксмо : Яуза, 2018. — 320 с.
ISBN 978-5-04-092123-2

Разведка — глаза и уши армии...

Этой простой фразой описывается вся важность разведки. Но как описать, что такое разведка?

В наградном листе на одного из разведчиков написано: «неоднократно выполнял задания командования по разведке и захвату контрольных пленных». Что стоит за этим «неоднократно выполнял»? Чего стоил каждый поиск за линию фронта, захват «языка»? Об этом знают и могут рассказать только сами разведчики. И каждое их свидетельство на вес золота — потому что шансов уцелеть у них было на порядок меньше, чем у других фронтовиков.

Новая книга проекта Артема Драбкина — это как раз такой рассказ разведчиков. Тех, кто «рвал проволоку, брал «языка», тех, без кого Победа была просто невозможна.

**УДК 94(47+57)~1941/45⁷
ББК 63.3(2)622**

ISBN 978-5-04-092123-2

© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

КНЯЗИК Леонид Евсеевич

Родился в июле 1924 года в городе Днепропетровске. Отец еще до революции окончил юридический факультет университета в Бельгии, а мама была доктором. Порядочные, честные и интеллигентные люди, обладавшие высокой культурой. Жили мы бедно. В 1941 году, «перескочив» экстерном через один класс, я закончил среднюю школу с «золотым аттестатом», поступил на рабочий факультет Днепропетровского металлургического института (ДМИТИ) и направил свои документы в Харьковский авиационный институт. Ждал вызова на учебу, но война разрушила все мои планы. Я остался в городе, был принят в ДМИТИ. Нас, студентов, отправили на рытье противотанковых рвов на линии обороны, в 30 километрах от города. О том, что происходит на фронте, мы знали отрывочно. За несколько

Леонид Князик
в годы войны

дней до падения города к нам «на окопы» приехал на грузовике один из начальников с металлургического завода и сказал: «Быстро собирайтесь!» Если бы не он, мы бы угодили в лапы к немцам. Возвратился в Днепропетровск. Маму мою призвали в армию военврачом еще в первый день войны. Проживавшие с нами в одной квартире моя родная тетя вместе с сыном Изей эвакуировались на восток. Ее сын, мой двоюродный брат и одноклассник, умница и красавец Исаак Яновский, вскоре ушел в армию и был убит в Севастополе. Мы с отцом решили покинуть город. Думали, что уезжаем ненадолго, вещей с собой не брали, были убеждены, что уже очень скоро положение на фронте выровняется и наша армия погонит немцев на запад. Наш состав с эвакуированными из Украины ушел на Кавказ, мы оказались в городе Прохладном, в Кабардино-Балкарии. В армию меня не взяли, я еще не достиг призывного возраста. Я узнал, что в Орджоникидзе (Владикавказ) есть Институт цветных металлов и золота, и осенью сорок первого года, не желая терять время до призыва, поступил туда на учебу. Весной сорок второго года всех студентов института перевели на «бронь», а летом нас отправили на окопные работы, на подступы к городу. Немцы подходили к Орджоникидзе, институт стал готовиться к эвакуации в Алма-Ату. Мои товарищи-студенты говорили мне: «Не уезжай, если немцы придут, мы тебя в горах в своих аулах спрячем». Но я решил отправиться на восток, многие студенты уезжали вместе с рабочими электроцинкового завода. Доехал до Ташкента и там сошел на вокзале — направился к родне, желая найти отца, уехавшего в Азию раньше меня. Родня мне сказала, что отец каждый день ходил на вокзал в надежде встретить меня,

но именно сегодня утром он уехал на Урал, к своей сестре. И я остался в Ташкенте, учился дальше. Жил в общежитии Ташкентского (бывшего Харьковского) института инженеров железнодорожного транспорта, по ночам работал, с товарищем «делил одну ставку», трудились по очереди. Получали рабочую хлебную карточку, это спасало от голода. Студенты ТИИЖД в армию почти не призывались. И мне стало стыдно, вся страна воюет, брат на фронте, а я — «в тылу загораю». В январе 1943 года пришел в военкомат и попросился на фронт добровольцем. Мне ответили: «У тебя, парень, бронь от призыва до окончания войны, а стране нужны грамотные квалифицированные специалисты. Иди и учись дальше. Когда понадобишься, мы тебя сами найдем!» Но я продолжал несколько месяцев подряд периодически ходить в военкомат, надоедал там всем, доводил работников до «белого каления». Кончилось все тем, что я заявил городскому военкому: «Родина в опасности, а вы тут сидите в тылу и галифе протираете, совсем совесть потеряли!» И после этих слов военком, молча, руками отодвинулся от стола и встал, защелкнув протезы на ногах. Он был фронтовой инвалид, без двух ног! Но я-то этого не знал и протезов в начале нашего «теплого» разговора не видел... Стал извиняться, а военком спрашивает: «Когда готов к призыву?» — «Хоть сию минуту». — «Завтра придешь с вещами в восемь часов утра». На следующий день меня отправили во 2-е Туркестанское пулеметное училище, расположенное в туркменском городе Мары. Май 1943 года. Жара, все учения в раскаленных песках пустыни. Климат жуткий. Постоянные изнуряющие марш-броски с ограничением питьевой воды. Командир курсантского взвода попался сволочной

тип, с садистскими наклонностями, поставивший своей целью загнать в могилу худого и забитого курсанта Боря Симкина. На учения мы отправлялись бегом, на расстояние три километра от училища, так взводный заставлял, чтобы станок от пулемета на себе таскал только Симкин. Да и под ребристый ствол «максима» нам запрещалось что-то подложить, ребята ходили со стертymi в кровь плечами. Курсанты изучали только пулемет «максим». Училище большое, примерно 800 курсантов в наборе. Было даже свое подсобное хозяйство. Носили обычную солдатскую форму б/у, курсантского обмундирования у нас не было. В училище я подружился с двумя курсантами: боксером, полтавчанином Толей Ефремовым и Женей Быковым, погибшим в 1944 году. Мы стали поддерживать друг друга. В начале осени 1943 года прибегает Ефремов и говорит, что объявили «комсомольский набор», что на стенде возле столовой вывешен плакат — «Желающие поехать на снятие блокады Ленинграда могут записаться у замполита». Нам надоела курсантская ляжка, мы уже не хотели быть офицерами, да и, по слухам, срок учебы в училище должен был увеличиться до одного года вместо «обещанных» пяти месяцев. Часть курсантов стали посылать на охрану границы, и мы просто боялись, что не успеем на войну с немцами. Пошли втроем к комиссару, наши фамилии записали, и уже через неделю нас, добровольцев, послали в Саратовскую область, где формировались и комплектовались эшелоны с пополнением на Ленинградский фронт. Нас погрузили в вагоны, и состав двинулся. В дороге почти не кормили, каждый добывал себе пропитание, как мог. Наш сопровождающий, какой-то ка-

питан, окружил себя толпой подхалимов и по дороге продавал и пропивал наши харчи. К Ладоге подъехали, и этого капитана пришли арестовывать «особисты», потом нам говорили, что капитан расстрелян по приговору военного трибунала. Приехали в Ленинград, там нас продержали восемь дней в запасном полку, а потом привезли в дивизию, под Ораниенбаум. Всех «новеньких» построили в каре. Пришли «покупатели». Первым, по традиции, «забирал товар» представитель разведки. Вышел к строю офицер-разведчик и обратился со следующими словами: «Ну, орлы! У нас судьба решается быстро. Или грудь в крестах, или голова в кустах! Но мы вшей в окопах не кормим. Добровольцы! Выходи из строя!» Мы сразу выскочили втроем: Быков, Ефремов, и я. «Покупатель» посмотрел на мой рост: «Ты — назад, вернись в строй, маловат для нас будешь!» Тут и мои друзья, вслед за мной, отошли назад в строй. Разведчик улыбнулся: «Ну, если вы такие верные товарищи, то ладно, беру всех троих». Так я попал в полковую разведку 1025-го стрелкового полка 291-й стрелковой дивизии. Командовал полком подполковник Быков. Зимой 1944 года нас перебросили на гатчинское направление.

Сколько человек было в полковой разведке?

Всего 18 человек во взводе. Взводного офицера у нас не было, все распоряжения на проведение операции или разведпоиска мы получали от начальника штаба полка или от его ПНШ-2 (помощника начштаба по разведке). Во взводе было несколько «стариков», опытных разведчиков, таких как старшина Коля Березкин. Ленинградец, 1909 года

рождения, весельчак и богатырь. Был Витя Солнышкин, мой земляк, еврей, очень интеллигентный человек. Солдатенков, мордвин по национальности, который вскоре погиб. Он всегда вырывал лично для себя укрытие от обстрелов и бомбежек, то есть — отдельную щель. И в такую щель случилось прямое попадание снаряда, от Солдатенкова нашли только один сапог...

Молодое пополнение в разведке чему-то обучали?

Конечно, мы же не имели фронтового опыта. Учили, как надо бесшумно ползти, преодолевать заграждения. Показывали, как снять часового, и когда на тренировке тебя назначали «караульным немцем», то ощущение было не из самых приятных. Показывали, как надо выбить нож из руки в рукопашной схватке, как завалить часового. Но например, как снимать мины, нас не учили, поскольку разведчикам в поиск при необходимости придавались саперы.

Идя добровольно на службу в разведку, Вы осознавали, что «авансом» на свое имя выписываете «похоронку»?

Когда вызвался в разведку, я ничего толком не понимал, не знал, какую фронтовую судьбу я себе выбрал. Просто думал, что это самая почетная боевая служба, и хотелось себя достойно проявить на фронте. А позже, когда постоянно приходилось терять боевых друзей, то настолько стал равнодушным к смерти, что иногда вспоминаю об этом и сам сейчас ужасаюсь. Смерть для нас была естественным состоянием. Всего три измерения в «системе фрон-

товых координат»: пока живой, уже убитый и раненый. Сама война, эта безжалостная бойня, лишала нас даже чувства жалости к себе и к другим. Я понимал, что отец не переживет, если получит известие о гибели единственного сына. Но долг обязывал идти на задание, в разведпоиск, в атаку, лезть к черту на рога — навстречу смерти и неизвестности. Есть такие слова — Долг и Совесть. Это сейчас их опошлили, испохабили, а тогда они звучали иначе, простые солдаты на передовой воспринимали их с искренней душой. В разведке никого силком не держали, можно было свободно уйти в пехоту, но у нас почти никто не уходил. Вот вы задали вопрос: «Сколько «языков» на личном счету?» А ведь у нас никто такого учета не вел. К чему?! Никто из разведчиков не думал, что выживет... Даже на примере нашей «троицы» — сначала погиб Быков. Потом по второму разу ранило меня. Лежу в госпитале — привозят Ефремова. А продлилась война еще немного или если бы меня не комиссовали по инвалидности — обязательно бы убило... Разведчики...

Насколько тщательно готовились разведывательные поиски?

Замечу сразу одну важную деталь. Начиная с января 1944 года, постоянно шло наше наступление, и поэтому задачей полковой разведки в первую очередь были разведка маршрута движения, определение линии соприкосновения с противником и численности его боевых сил. Таких поисков — «...ползем ночью по «нейтралке», прямо через минное поле и ряды колючей проволоки, чтобы захватить «языка» в первой немецкой траншее...» — было немного. Нем-

цы постоянно вели «подвижную оборону», используя заслоны и засады. Только к лету, когда на определенное время линия фронта стабилизировалась и стала сплошной, то передовая приняла «привычный вид» — траншеи, «колючка», минные поля и так далее... Тут уже каждый поиск готовился по классическому варианту. И в одном из таких разведвыходов я был тяжело ранен. Кстати, у нас в 291-й СД дивизионная разведка ходила в поиски еще реже, чем мы, полковые разведчики.

Полковые разведчики имели какие-то послабления в службе?

Отношение к нам было разным, лавровыми венками нас не баловали. Но мы были намного лучше экипированы, чем простая пехота. Ходили в офицерских галифе, в добротных сапогах. Имели связи с тыловиками, осуществляли с ними бартерный обмен — трофеи на всякого вида и рода достойное снабжение. Мы имели репутацию пижонов, ходили с чубами, финками, трофейными пистолетами на ремнях. Но в штабе мы не считались любимчиками. Всегда вырывали для себя отдельную землянку на отшибе, возле всяких начальников не ошивались. Длительное нервное напряжение настолько изматывало физически, что даже после успешно выполненного задания сдашь пленного в штаб и сразу без задержки к себе — отсыпаться. Для охраны штаба или имени полка нас не использовали. Но меня иногда могли «запрячь», как знающего немецкий язык, переводить на допросе. Я считался бойцом с неоконченным высшим образованием (в стрелковых частях таких было немного).

Кто из взятых в плен немецких военнослужащих Вам наиболее запомнился?

Вы имеете в виду наиболее памятный поиск или «языка»? Понятно... Зимой сорок четвертого немцы отходили, используя тактику «опорных пунктов», которые задерживали наши наступающие части. Наши продвигались вперед по-разгильдяйски, открыто шли, без разведки и часто попадали в засады, понеся серьезные потери. В одной такой ловушке, в засаде, организованной между двух холмов, за двадцать минут боя погиб целый полк в соседней дивизии. Был отдан приказ, запрещающий продвижение без детальной разведки маршрута. Комполка Быков был «гробовщиком», мастером лобовых атак, людей никогда не берег и не жалел, всегда гнал батальоны напрямую, без обходных маневров. Впрочем, так поступало большинство командиров его ранга. Но тут Быков нас сильно удивил. Он, не зная обстановки, остановил продвижение полка и послал вперед три группы по три разведчика, приказал доставить «языка» любой ценой. Помню точную дату этого события — 23/2/1944. Моя группа нарвалась на одиночного немца, отбившегося в сторону от своих отступающих товарищей. Окружили немца в лесу, он отстреливался до последнего патрона. Но мы его грамотно обложили, стали обходить с разных сторон. Залегли на снегу. Шапку из-за сугроба подняли на автоматном стволе, а стрельбы нет! Поняли, что у немца кончились патроны. Вскочили, видим, что он убегает! Подсекли его очередью из автомата, точно по ногам попали. Подбегаем, кричим ему — «Хенде хох!» Немец подраненный, на ногах летные унты, еще подумали, что тут в нашем лесу этот «товарищ из Люфтваффе»

потерял? «Жгуты» ему на ноги наложили, взвалили немца на Женьку, он парень здоровый, спортсмен, и пошли к хутору, к штабу ближайшего батальона. Вдруг из-за кустов выходит еще один немец с поднятыми руками, маленький, неказистый. Кричит — «Гитлер капут!» Сдается в плен, на его лице нервный тик, а вдруг пристрелим? Переложили раненого немца на здорового, пришли в штаб. Раненого занесли в дом, сели на пол отдохнуть рядом с пленным. Немец, симпатичный парень, с открытым простым лицом, достал фотографии своей семьи, жены и двоих детей. Мы его еще спросили, не штрафник ли он? Почему воюет в летной экипировке? И тут появляется комполка Быков со штабным переводчиком. Начал немца допрашивать: «Из какой ты части? Сколько народу в полку и где располагаются ваши подразделения?» Немец ему говорит: «Я не могу отвечать на ваши вопросы, я давал присягу». Быков достал пистолет из кобуры, направил дуло на пленного немца и сказал переводчику: «Скажи ему, что я считаю до трех! Если будет молчать, то я его застрелю!» Переводчик перевел все сказанное слово в слово. Немец смотрел на Быкова, на нас... У меня в эти мгновения даже сердце не екнуло, я подумал, что комполка просто берет пленного на пушку. Да и где это видано, чтобы командир полка лично пленных убивал, «не по Сеньке такая шапка», не его это «царское дело». Пленный «летчик» молча улыбнулся, он не верил до последнего момента, что его сейчас просто так, спокойно убьют на месте. На счете «три» Быков нажал на курок и застрелил пленного, сказав: «Собаке — собачья смерть!» Тело убитого вытащили из дома. Быков спрашивает: «А где ваш второй «язык»?» Мы кинулись на улицу, второй там оставался без серьезного

присмотра. Возвращаемся. Смотрим, а с убитого «летчика» кто-то уже унты стянул. Действительно, подумали — «Кому война, а кому мать родна!».. Завели второго на допрос. Оказался кашеваром, пригнанным из тыла на передовую на пополнение. Он ничего толком не знал. Быков решил его не убивать и приказал мне доставить этого пленного в штаб дивизии. Повел я его в тыл, навстречу идет пополнение. Набросились на него с ругательствами: «Ах ты сука!» Говорят мне: «Добей его к е..... матери!» — «Но-но! Воины! Сам в плен немца возьми, потом добивайте! Герои, вашу мать!» Довел его до штаба целым и невредимым. Вроде все, почти рядовой фронтовой эпизод. Но прошли годы, и бывшее ожесточение к врагу стало ослабевать в моем сердце. Ненависть к немцам прошла... Да, они были звери, но ведь покаялись перед всем миром... И я стал мучиться от одной мысли: ну зачем мы его тогда в плен взяли?! Жил бы он со своей фрау, растил бы своих детишек где-нибудь в Мюнхене или в Бремене... nsp. И надо же было ему нарваться, на такую сволочь, как подполковник Быков! А так, его дети даже не знают, где их отца убило... Да, он был враг, противник, но ведь этот немец был настоящим солдатом, верным своей присяге. И я решил найти его детей, даже точно не помня фамилии немца. Позвонил в посольство ФРГ: так, мол, и так, хочу разыскать родных убитого и помочь им перенести могилу отца в Германию. «Штык в землю, а саблю в ножны». Столько лет уже прошло, хватит одной ненавистью жить, мы им и так многое уже простили. Мне ответили — свяжитесь с таким-то ветеранским комитетом в Берлине, возможно, по спискам боевых потерь частей, воевавших на данном участке фронта, вам удастся восстановить фамилию «летчи-